

ДИСКУССИИ

УДК 314 (571.6)

DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-2(176-183)

З.И. СИДОРКИНА

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
ул. Радио, 7, Владивосток, 690041, Россия, sidorkina@tigdvo.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОДХОД К ЗАСЕЛЕНИЮ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Представлен анализ организации заселения восточных районов России в начальный период их освоения — в конце XIX—начале XX в. Исторический опыт рассматривается как результат государственной преобразовательной деятельности. Показаны особенности переселенческого движения, в основе которого лежало наделение крестьян землей. Переселение на окраины было признано необходимым, поэтому приветствовались и самовольные переселенцы, которым также выделялись земельные наделы. Показаны результаты переселений крестьян на юг Дальнего Востока во время проведения Столыпинских реформ, а также причины и масштаб эмиграции в Австралию через восточные ворота России. Такая эмиграция была значительно дешевле, чем в западном направлении, так как до границы с Китаем можно было добраться, используя государственную помощь по переселению на восток. Наиболее масштабной миграция из России стала после Гражданской войны. Кроме переселенцев из европейской части России, в колонизации дальневосточных земель активно использовались мигранты из соседних стран (Китая, Кореи). Зафиксировано несколько волн таких переселений. Рассмотрены структура иммиграционных потоков из соседних стран, районы расселения иммигрантов. Показано, что в начале XX в. увеличение государственной помощи на расходы по переселению способствовало быстрому росту населения. Регион имел самый высокий уровень прироста населения в стране. В настоящее время сохранение демографического потенциала Дальнего Востока России и дальнейшее его увеличение становится насущной проблемой региональной политики.

Ключевые слова: Дальний Восток, заселение территории, миграция, трансграничные миграции, эмиграция.

Z.I. SIDORKINA

Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences,
690041, Vladivostok, ul. Radio, 7, Russia, sidorkina@tig.dvo.ru

STATE APPROACH TO SETTLEMENT OF THE SOUTH OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

An analysis is made of the organization of settlement of the eastern regions of Russia in the early period of their development: in the late 19th – early 20th centuries. Historical experience is treated as the result of the State's transformation activity. Characteristics of the resettlement movement are shown, which was based on the allocation of land to peasants. Resettlement to outlying district was necessary; therefore, unauthorized settlers were also welcomed, and they also received plots of land. Results of peasant resettlements to the south of the Far East during the Stolypin agrarian reforms, and also the causes and magnitude of emigration to Australia through the eastern gates of Russia are analyzed. Such emigration was much cheaper than in the westward direction, because the Chinese border could be reached using State assistance with resettlement to the east. It was after the Civil War that migration from Russia became largest. In addition to settlers from the European part of Russia, migrants from neighboring countries (China and Korea) were actively involved in the colonization of the Far Eastern lands. Several waves of such resettlements were recorded. The structure of immigration flows from neighboring countries and the areas of their settlement are considered. It is shown that an increase in State assistance to cover expenditures connected with resettlement in the early 20th century contributed to a rapid population growth. The region had the highest level of population growth in the country. At present, the preservation of the demographic potential and its further increase are becoming a challenging problem of regional policy.

Keywords: Far East, settlement of territory, migration, cross-border migrations, emigration.

ВВЕДЕНИЕ

Возросший интерес государственных компаний к Дальневосточному региону обусловлен не только наличием здесь богатых природных ресурсов, но и близостью к странам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), его транзитными возможностями. Дальний Восток России — один из наиболее перспективных регионов страны с точки зрения экономического развития и геополитического влияния в АТР. В XXI в. существенной проблемой стал демографический потенциал региона, который оказался самым слабозаселенным в стране, со сложной социально-экономической ситуацией на фоне поступательного развития северо-восточных провинций Китая.

По нашему мнению, необходимость обращения к теме заселения дальневосточных земель и формирования демографического потенциала в начальный период освоения вызвана тем, что на рубеже XIX–XX вв. происходили процессы, заложившие основу для последующих историко-демографических событий.

Аграрный вопрос был главным для сельского населения России, и государство пыталось решить его с помощью массового переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. При этом решалась и основная задача — обеспечение охраны восточных границ России.

Актуальность данной работы определяется возможностью на основе предыдущего исторического опыта выявить характер взаимовлияния государственного подхода в организации переселений и частной инициативы (самоорганизации) переселяющихся в новые земли. Опыт колонизации Сибири и Дальнего Востока в досоветский период был накоплен в ходе локально-исторических процессов с выраженными временными и пространственными границами [1].

История хозяйственного освоения и заселения восточных районов России все больше привлекает внимание исследователей в связи с непростыми геополитическими тенденциями в мире. Несмотря на значительное количество исследований по оценке демографического потенциала, подход к знанию в рамках исторической ретроспективы является весьма новым направлением исследований.

Демографическое благополучие региона определяется особенностями демографической динамики в прошлом. Знание истории освоения и заселения Дальнего Востока во многом помогает уйти от традиционных ошибок в оценке ситуации и непродуманных действий государственной власти. На современном этапе полезно учесть положительный опыт заселения дальневосточных земель в начальный период их освоения, который характеризуется длительным и динамичным развитием демографического потенциала региона.

Хронологические рамки исследования (конец XIX–начало XX в.) обусловлены рядом обстоятельств, в том числе и методологического характера. Исторический опыт здесь рассматривается как результат предыдущей преобразовательской деятельности. Для понимания причинно-следственных связей важен анализ мотивации событий, просчетов проводимой политики в ходе выполнения государственных программ. Очевидно, что освоение новых земель зависит прежде всего от государственных решений. Принудительное переселение практиковалось с самого начала освоения новых земель в Сибири, на сахалинской каторге, при охране границ казаками и т. д. Такие меры быстро становились деструктивными. Некоторые исследователи считают, что на реализацию государственных планов переселения влияет эффект неорганизованности, стихийности (самоорганизации) переселяющихся в новые земли [2, 3].

Истории освоения новых, в том числе дальневосточных, земель посвящено множество научных публикаций, в частности [4–8]. Отметим, что перед автором не стояла задача подробно останавливаться на весьма обширном потоке научных исследований. Нас прежде всего интересовало использование методологических подходов к изучению формирования населения в регионах нового освоения. В истории заселения Дальнего Востока России разные авторы выделяют несколько этапов в зависимости от задач освоения новых земель: исторических, политических, военно-геополитических, территориально-экономического развития, историко-демографических, геоэкономических [1, 6, 9, 10]. Население большей частью выполняло подчиненную роль, рассматривалось в качестве источника трудовых ресурсов для решения поставленных задач.

Современные исследования касаются экономико-географических особенностей развития хозяйства, взаимосвязи демографического и социально-экономического развития, согласования экологических и экономических аспектов при освоении природных и социально-экономических ресурсов территории [11–13].

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ОСВОЕНИЯ

На протяжении всей истории заселения Дальнего Востока России ситуация с привлечением в этот регион населения несколько раз менялась. Менялись и факторы его формирования. Политика регулирования народонаселения была направлена на привлечение населения, устранение или смягчение диспропорций между развитием экономики и потребностью в трудовых ресурсах. Главной целью заселения региона была военно-стратегическая, так как на пустующие земли на востоке России претендовали иностранцы, проживающие в сопредельных государствах.

В конце XIX—начале XX в. восточные районы России входили в сферу ее государственных интересов. К моменту включения в состав России южной части Дальнего Востока общая численность населения этой территории составляла 20–25 тыс. чел. [7]. Для усиления процесса освоения восточных земель использовались казацкие переселения. В 1861 и 1866 гг. из стратегических соображений — необходимости освоения пограничных окраин — были разработаны особые правила заселения [3]. Казакам по рекам Амур и Уссури отводилась сплошная полоса земли шириной до 100 верст, где крестьянам не разрешалось селиться. На первом этапе заселения такая колонизация давала положительные результаты и активно стимулировалась. В то же время использование казаков как воинов и земледельцев имело ограниченный успех. Их явно было недостаточно для надежной обороны края [4]. Казакам выделяли большие земельные наделы, но их экономическое положение было хуже, чем у крестьян, из-за меньшего количества распаханной земли, низкой урожайности и даже гибели урожая в результате наводнений. Казаки предпочитали частично сдавать свои наделы в аренду китайцам и корейцам, что противоречило политической задаче «обрусения» и демографического закрепления Приамурья за Россией.

С усилением интереса к региону у граждан соседних стран, так называемой желтой опасности, местные власти потребовали увеличить число переселенцев. Вместе с переселением казаков в Приамурский край нарастал и приток крестьян. Казацкая колонизация была численно захлестнута волной переселений крестьян, так как обходилась в пять-шесть раз дороже, чем крестьянская. Как наиболее результативную активно стали использовать добровольную форму крестьянского переселенческого движения, а также иммиграцию с высокой степенью участия государства [2, 3].

Колонизационная политика активизировалась в конце 1880-х—начале 1990-х гг. Очередной закон о добровольном переселении (от 13 июля 1889 г.) значительно расширял возможности переселенцев, что вызвало волну перемещений. Если с 1861 по 1885 г. ежегодно за Урал (включая Сибирь) переселялось в среднем по 12 тыс. чел., то в 1890-е гг. число переселяющихся возросло [3]. Всего за период 1883–1899 гг. в Приамурский край переселилось 63 тыс. чел., из них в Амурскую область — 21,1 тыс., в Приморскую — 41,9 тыс. В Приморскую область особенно усилился поток переселенцев после организации перевозок морем. Суда Добровольного флота в 1883–1885 гг. доставили во Владивосток 5780 чел., из них 4683 были перевезены за казенный счет [5]. Известную роль в решении правительства интенсифицировать колонизационный поток за Урал сыграл голод 1891 г., вызвавший резкую активизацию переселенческого движения (более 80 тыс. чел. в год), с последующим небольшим спадом.

Дальневосточные земли стали своеобразной площадкой для внедрения новых колонизационных технологий, таких как плановое заселение вдоль почтовых трактов и на побережье Амура, морские перевозки судами Добровольного флота, более активное финансовое участие государства, использование не только общинного, но и подворного (хуторского) хозяйства. В целом 1880-е гг. можно считать подготовительным этапом массовой колонизации 90-х гг. XIX—начала XX в. Задача, сформулированная заведующим Переселенческим управлением в Южно-Уссурийском крае Ф.Ф. Буссе, — создать полосу поселений, которые закроют «русской грудью» границу, обеспечат главный торговый путь края и станут плацдармом для дальнейшего продвижения, — считалось, была выполнима только при условии контролируемых миграций [3].

После официального признания переселения крестьян на восток безвредным для экономического развития Центральной России и открытия движения по Сибирской железной дороге численность переселенцев быстро увеличивалась. Поскольку заселение юга Дальнего Востока было признано необходимым, все самовольные переселенцы, прибывшие в восточные районы после 1895 г., за редким исключением, также наделялись казенной землей и обеспечивались государственными пособиями [13]. До 1901 г. морским путем переселилось свыше 55 тыс. чел. [14]. Начиная с 1904 г. в переселенческом законодательстве доминируют аграрные и социальные задачи, все более усиливающиеся в годы Столыпинских реформ, но при этом не забывались и политические, направленные на усиление русской мощи на окраинах страны [3].

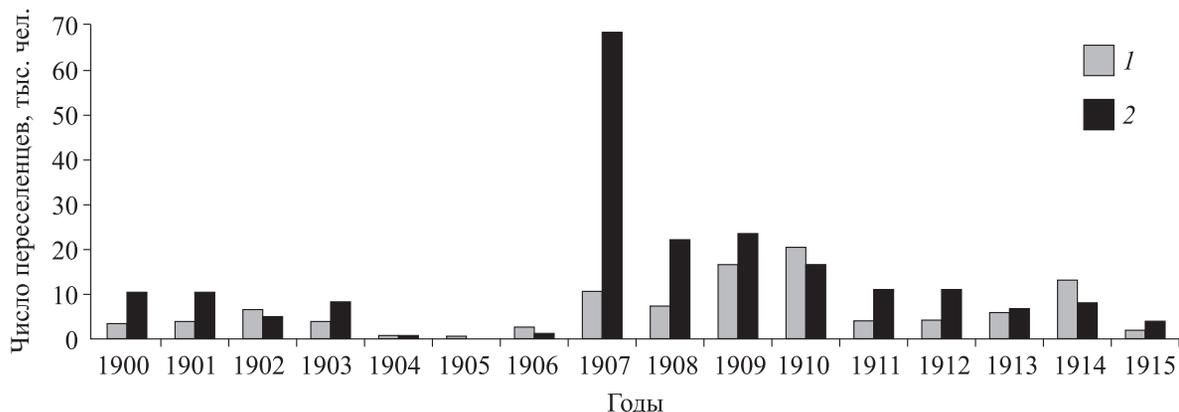
ЭМИГРАЦИЯ ЧЕРЕЗ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН

Ранее в целом ряде публикаций [4, 6, 9] отмечался спад переселения за Урал после поражения России в Русско-японской войне. Этот вопрос до сих пор остается недостаточно изученным. С 1906 г. значительно возросли расходы и штат местных переселенческих организаций, что было связано с проведением наиболее значимой для того времени Столыпинской земельной реформы (1906–1913 гг.) [15]. В Сибирь и Среднюю Азию за годы действия реформы переселилось свыше 3 млн чел. Население на этих территориях увеличилось на 153 %, посевные площади расширились на 80 %. Современные исследования [3] показывают, что через год после окончания Русско-японской войны за Урал переселилось 220 тыс. чел.; в 1907 г. — 383 тыс., не считая 136 тыс. ходоков; в 1908 г. был достигнут максимум — 700 тыс. чел. После 1910 г. и до начала Первой мировой войны ежегодное число переселенцев колебалось в пределах 250–300 тыс. Всего с 1906 по 1914 г. за Урал перебралось более 3700 тыс. чел., из которых на новом месте прочно закрепилось около 2700 тыс. В эти годы самовольные (непричисленные) переселенцы составляли около 40 %, а к 1910 г. в Сибири их число уже превышало 700 тыс. [3].

Для Дальнего Востока результаты Столыпинской земельной реформы были менее значимы (см. рисунок). По данным Л.Л. Рыбаковского [6], наибольшее число переселившихся в Приамурский край (147,4 тыс. чел.) пришлось на 1907–1908 гг. Основная часть из них прибыла морем в Приморскую область.

Мероприятия по улучшению организации переселений, расширение финансовой помощи и усиление попечительских мер негативно отразились на социальном составе переселенцев, большинство которых были безземельные и малоземельные крестьяне, фактически не имевшие собственных средств и рассчитывавшие на государственную помощь. Очевидно, что масштабы переселения не соответствовали реальным возможностям территорий вселения и организационным ресурсам местной администрации. Принято было считать, что часть прибывших вернулась в родные места, но обратные переселенцы составляли всего 2–10 % [3]. Как показано в [3], при сокращении свободного колониационного фонда Сибири, когда доступные и наиболее плодородные участки были уже распределены, привлекать к переселению стали более состоятельных земледельцев, способных к водворению в сложных условиях пограничных районов.

Следует подчеркнуть, что нарастающий поток переселенцев связан не только с вселением крестьян на новые земли, но и с другими устремлениями переселявшихся, что совпало с началом оттока населения из России. В конце XIX в. часть наиболее энергичных, мобильных и обеспеченных граждан устремилась за границу, пошел многоступенчатый эмиграционный процесс. До 1917 г. эмиграция из России носила полулегальный характер и фактически никак не регулировалась. Основной поток эмиграции из России через Атлантику устремлялся в США (78,5 %) и Канаду (4,5 %) [2]. Новым направлением эмиграции, через восток России, в конце XIX в. стала Австралия — 0,3 % [16]. В этот период на фоне общей эмиграции из России, когда в год уезжало 250 тыс. чел. [2], эмиграция в Австралию выглядела незначительной. Менее затратную для вселения Австралию выбирали эмигранты, не располагающие большими финансовыми ресурсами.

Динамика переселений в Приамурский край в начале XX в.

1 — Амурская область, 2 — Приморская область.

Толчком для увеличения эмиграции через Дальний Восток в начале XX в. исследователи считают поражение России в войне с Японией, революцию 1905–1907 гг., Столыпинскую земельную реформу и политические преследования [3]. На повышение численности эмигрантов из России особенно повлиял наступивший в 1910–1911 гг. перелом в переселенческом движении в Сибирь и на Дальний Восток, связанный с разочарованием переселенцев в своих ожиданиях. Используя возможности финансовой поддержки государственной переселенческой политики, часть состоятельных переселенцев принимала решение эмигрировать. К тому же, по данным В.А. Ионцева и соавторов [2], на эксплуатации КВЖД (Китай) было занято 200 тыс. русских специалистов, не терявших связи с Россией, владевших достоверной информацией о возможностях зарубежного трудоустройства.

По переписи 1891 г., число переселившихся из России в Австралию составляло 2881 чел., главным образом евреи, что было обусловлено национальной политикой царского правительства [17]. К началу XX в. в Австралии проживало 3358 выходцев из России. Введение в строй Транссиба и КВЖД позволяло переселенцам, следовавшим на Дальний Восток, использовать для эмиграции из России железные дороги (через Маньчжурию) и морские порты (Владивосток, Дайрен (Дальний), Харбин, Шанхай), откуда шли пароходы в Австралию. Это делало путь короче и значительно дешевле: по России за государственный счет, а дальше на свои средства в Австралию, где постоянно требовалась рабочая сила и можно было приобрести землю на выгодных условиях. При въезде в страну австралийские власти не требовали от иммигрантов визы и денежного залога, как в США. Был широко открыт доступ на континент иммигрантам-европейцам [18]. По данным российского консульства, в Австралию в 1914 г. ежемесячно приезжало от 90 до 150 чел. из Сибири и с Дальнего Востока. С началом Первой мировой войны, когда российским правительством было запрещено покидать территорию страны, произошел спад эмиграции. К 1917 г. число выходцев из России в Австралии составляло 10 938 чел. Наиболее массовой эмиграция из России (дальневосточная волна белой эмиграции) стала после завершения Гражданской войны (1918–1922 гг.).

25 октября 1922 г. эвакуацию из Приморья осуществляли 25 кораблей Сибирской флотилии [19]. В Корею и Китай, а затем на Филиппины выехало около 10 тыс. чел. В 1923 г. в Австралию переселились группы уральских, оренбургских, забайкальских казаков, гражданские люди различных рангов и профессий: чиновники, коммерсанты, священнослужители, мелкие и средние предприниматели, лица свободных профессий, интеллигенция, т. е. наиболее состоятельные [16]. Часто Австралия использовалась как промежуточный пункт для дальнейшего переселения.

Всего, по данным Л.Л. Рыбаковского [20], после Октябрьской революции количество беженцев с Дальнего Востока России в Китай составило 175 тыс. чел. Основной их поток шел через Маньчжурию по КВЖД. В связи с переходом КВЖД в совместное советско-китайское управление в 1924 г. (с последующей продажей дороги Японии в 1935 г.), оккупацией японцами Маньчжурии в 1932 г., положение эмигрантов в Китае ухудшилось. Многие из белоэмигрантов не смогли наладить в Китае свою жизнь и вынуждены были покинуть страну.

Таким образом, итогом первой волны заселения Дальневосточного края стал значительный приток крестьянских семей. Очередной подъем переселенческого движения пришелся на вторую половину 1920-х гг., после окончания Гражданской войны, в связи с введением в действие новых стимулов при переселении.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИММИГРАЦИИ В ЗАСЕЛЕНИИ

В противоположность эмиграции на востоке России формировались и играли значительную роль меньшинства иного типа — трансграничные мигранты. Они демонстрировали и иные модели взаимоотношений с принимающим обществом, властями, имели особые правовые статусы. Благодаря окраинному положению и наличию по соседству государств с массовым обнищанием населения, Дальний Восток быстро втягивался в международный рынок труда, принимая ежегодно тысячи и десятки тысяч сезонных работников из Китая и Кореи, становящихся иммигрантами большей частью по экономическим причинам. Китайцы и корейцы, по сравнению с местным населением, использовали более эффективные приемы агротехники, поэтому сдача им земли в аренду была широко распространена. Вместо того чтобы препятствовать китайской и корейской миграции на российский Дальний Восток, земледельческая аренда становилась для нее мощным стимулом.

Зафиксировано несколько волн переселений китайцев и корейцев, проходивших при ослаблении российского государственного контроля над территорией. Уже в переписи населения Российской

империи 1897 г. среди дальневосточных рабочих было учтено 28,9 тыс. иностранных подданных, составляющих половину всех занятых (рабочих и прислуги) [14].

Наиболее активно переселялись корейцы — трудовые мигранты, которых можно отнести к категории беженцев из-за невыносимых условий жизни на родине. Впервые 14 корейских семей обосновались на юге Приморской губернии, в районе залива Посыета, в 1864 г., а в 1867 г. в трех корейских деревнях проживало около 2 тыс. чел. В 1876 г. во Владивостоке насчитывалось 35 корейцев, через год их уже было более тысячи. Самое крупное массовое переселение корейцев произошло в 1869–1870 гг. Из-за неурожая и голода в Россию прибыло 6,5 тыс. чел. [14]. Переселялись в Россию семьями, безвозвратно, поэтому имели огромную мотивацию к интеграции. Основной экономической нишей для них было занятие сельским хозяйством. Среди корейских хозяйств превалировал хуторской тип расселения. По данным сельскохозяйственной переписи 1923 г., 86 % корейских хозяйств существовали менее пяти лет [21]. К 1923 г. корейцы составляли 17 % (50 тыс. чел.) сельского населения Приморской губернии.

Если корейцы работали на земле и в основном жили семьями, более многочисленные китайцы были временными трудовыми мигрантами. Миграция из Китая имела маятниковый характер. В 1906–1910 гг. на дальневосточные земли переселилось 550 тыс. китайцев, из которых обратно выехало 400 тыс. Мигрировали без семей, в соответствии с китайскими законами. С 1900 г. поток въезжающих китайцев на территорию Амурской и Приморской областей исчислялся ежегодно в 200–250 тыс. чел. [7]. Л.В. Криссман [22] показал, что китайское сообщество в городах состояло из различных сегментов, объединений по месту происхождения, роду занятий, а общим признаком была диспропорция полов.

Сплоченная китайская диаспора успешно конкурировала в применении наемного труда с русскими рабочими, которые зачастую не могли найти подходящей работы и пополняли ряды безработных [7]. Продолжалось вытеснение русских из рыбной, горной и других отраслей промышленности, где господствовал частный капитал. В итоге 39 % дальневосточных рабочих составляли иностранные подданные, среди которых были и японцы, которые стали активно проникать на Дальний Восток России после Русско-японской войны.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЗАСЕЛЕНИЯ

Результаты первого периода заселения (1860–1925 гг.) подытожила Всесоюзная перепись населения СССР 1926 г. [7]. Численность населения Дальневосточного края составила 1291 тыс. чел., из которых более 70 % были сельскими жителями. В результате активной политики заселения регион имел самый высокий уровень прироста населения в стране до конца XX в. С 1926 по 1991 г. численность населения Дальнего Востока увеличилась на 6484,6 тыс. чел. (более чем в пять раз). При этом наиболее значительный прирост (3990 тыс. чел.) пришелся на территорию юга Дальнего Востока (Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская автономная область).

В этот период заселения на Дальнем Востоке сформировались компактные районы проживания украинцев и корейцев, для которых было характерно преимущественно дисперсное размещение по территории. Уже в тот период существовали проблемы использования иностранных мигрантов, которые актуальны и в наше время. Большая часть из них до сих пор находится в стадии обсуждения [20].

К настоящему времени отношение сопредельных государств к сотрудничеству с Россией меняется. Притягательность России как реципиента для квалифицированных китайских мигрантов падает. Приоритетными, как отмечается в [23], являются другие факторы использования иммиграции: получение образования, возможность иметь за границей несколько детей, отсутствие перенаселенности, более благоприятная экологическая обстановка.

Новые направления исследований связаны с вопросами качества жизни населения, зависимости человеческого потенциала от социально-экономических и природных условий [24]. В связи с глобальным потеплением климата, открытием больших запасов углеводородов в Арктике в последние годы обозначился интерес зарубежных стран к возможностям использования Северного морского пути и режима порто-франко в сибирских устьевых и дальневосточных морских портах. Перспективы освоения северных территорий Дальнего Востока становятся частью нового экономического и геополитического видения Востока России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, для восточных регионов России на рубеже XIX–XX вв. и в наше время характерны как включенность в общероссийские и даже общемировые тренды миграционного развития и формирования этнических диаспор, так и свои особенности, связанные с переселенческим типом регионального сообщества.

В целом, хотя часть принятых в прошлом решений по организации заселения нельзя назвать удачными, была сформулирована система концептуальных взглядов на миграционные процессы, разработаны действенные механизмы переселения на Дальний Восток, что позволяло государству проводить активную политику заселения стратегически важных территорий. Стремясь преодолеть зависимость региона от иностранной рабочей силы, правительство и местная администрация приняли ряд мер по стимулированию закрепления отечественных рабочих на Дальнем Востоке.

Спустя почти столетие Россия вновь столкнулась с необходимостью проводить миграционную политику в отношении иностранцев. Однако современная иммиграционная ситуация на Дальнем Востоке сильно отличается от имевшей место сто лет назад. Активная иммиграция из сопредельных государств происходит на фоне неблагоприятных внутренних источников формирования населения, непрекращающегося его оттока из региона.

В то же время трансграничная миграция населения между Россией и странами-соседями (Китай, Япония, Южная Корея) сыграла существенную роль в фактической интеграции Дальневосточного региона в АТР, заложила основу для дальнейшей интенсификации всех трансграничных обменов в сфере торговли, инвестиций, туризма, перемещения рабочей силы.

К сожалению, оттоку населения с Дальнего Востока иногда способствуют действия властей, в тех случаях, когда не учитываются интересы людей и их реальные доходы [24]. Дальневосточники научились экономить, уезжая в более дешевые для жизни регионы России и даже страны Юго-Восточной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. — Владивосток: Дальнаука, 2003. — 284 с.
2. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров Н.В., О कोरोков А.В. Эмиграция и репатриация в России. — М.: Изд. благотвор. фонда «Почетительство о нуждах российских репатриантов», 2001. — 490 с.
3. Восток России: миграция и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. — Иркутск: Отгиск, 2011. — 624 с.
4. Покишишевский В.В. К географии дооктябрьских колонизационно-миграционных процессов в южной части Дальнего Востока // Сиб. геогр. сб. — 1962. — Вып. 1. — С. 85–95.
5. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII–начале XX в. (1640–1917 гг.): Ист.-демогр. очерк. — М.: Наука, 1985. — 260 с.
6. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. — М.: Наука, 1990. — 138 с.
7. Сидоркина З.И. Территориальная организация и социальная самоорганизация населения в слабозаселенном регионе. — Владивосток: Дальнаука, 2014. — 240 с.
8. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX– XXI веков. — Владивосток: Дальнаука, 2006. — 424 с.
9. Сидоркина З.И. Демографические процессы и демографическая политика на российском Дальнем Востоке. — Владивосток: Дальнаука, 1997. — 128 с.
10. Минакир П.А., Прокопало О.М. Российский Дальний Восток: экономические формы и геополитические амбиции // Восток России: проблемы освоения — преодоления пространства. — Новосибирск: Изд-во Ин-та экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2017. — С. 12–32.
11. Тулоханов А.К. Историко-географические аспекты связи сельского хозяйства Байкальского региона с природной средой // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1990. — № 1. — С. 38–45.
12. Блануца В.И. Развертывание информационно-коммуникационной сети в производственные территориальные структуры // География и природ. ресурсы. — 2017. — № 2. — С. 165–173.
13. Сидоркина З.И. Земля и люди на Дальнем Востоке России: история и современность // Геосистемы в Северо-Восточной Азии: территориальная организация и динамика: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Владивосток: Изд-во Тихоокеан. ин-та географии ДВО РАН, 2017. — С. 335–339.
14. Советский Дальний Восток / Под ред. С.Ф. Суховия. — Чита; Хабаровск: Книжное дело, 1923. — 160 с.
15. Аграрная реформа Столыпина 1907–1916 гг. — кратко о событиях [Электронный ресурс]. — <http://istoriarusi.ru/imper/agrarnaja-reforma-stolykina-kratko.html> (дата обращения 11.01.2018) .

16. **Каневская Г.И.** «Мы еще мечтаем о России...»: История русской диаспоры в Австралии (конец XIX – вторая половина 80-х гг. XX в.). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 372 с.
17. **Christa B.** Russians // The Australian People. An Encyclopedia of the Nations, its People and their Origins. – Sydney: Angus & Robertson, 1988. – P. 752.
18. **Kravchenko M.** Russians in Queensland // Multicultural Queensland. The People and Communities: A Bicentennial Publication. – Brisbane: University of Queensland Printer, 1988. – P. 187.
19. **Энциклопедия** рекордов. Приморский край. Все самое, самое, самое... / Гл. ред. А.Л. Ткачев. – Владивосток: Родослов.ру, 2010. – 244 с.
20. **Рыбаковский Л.Л., Захарова О.** Внешний миграционный обмен России и специфика Дальнего Востока // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. – М.: Генфальд, 1999. – С. 22–26.
21. **Сельскохозяйственная** перепись 1923 года на Дальнем Востоке. Вып. 4: Волостные итоги. – Владивосток, 1924. – 73 с.
22. **Crissman L.W.** The segmentary structure of urban overseas Chinese communities // Man. New Series. – 1967. – Vol. 2, N 2. – P. 190.
23. **Портяков В.А.** Современные миграционные тенденции в Китае и российский вектор // Материалы Дальневост. международ. эконом. конгресса. Т. 2: Развитие населенческого потенциала Востока России. – Хабаровск, 2006. – С. 84–90.
24. **Авдеев Ю.А., Сидоркина З.И., Ушакова В.Л.** Территориальная структура демографического потенциала российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 2. – С. 16–22.

Поступила в редакцию 11.12.2017

После доработки 26.02.2018

Принята к публикации 27.12.2018